

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
-------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

<i>Глава I.</i> Читай это каждый день	15
<i>Глава II.</i> В Фивах	23
<i>Глава III.</i> Ио	31
<i>Глава IV.</i> Разбуженный лунным светом	42
<i>Глава V.</i> Среди рабов Спарты	54
<i>Глава VI.</i> Эос	64

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

<i>Глава VII.</i> Возле вытасненных на берег кораблей	77
<i>Глава VIII.</i> В море	88
<i>Глава IX.</i> Спускается ночь	100
<i>Глава X.</i> При свете ущербной луны	111
<i>Глава XI.</i> Хватка Невра	124
<i>Глава XII.</i> Богиня любви	137
<i>Глава XIII.</i> О славный город в венце фиалковом!	150
<i>Глава XIV.</i> Что за странный праздник!	161

<i>Глава XV.</i> Женщина, которая уходила из дому.....	171
<i>Глава XVI.</i> В Афинах	186
<i>Глава XVII.</i> На пути в Элевсин	198
<i>Глава XVIII.</i> В храме Великой Матери	214
<i>Глава XIX.</i> Встреча с богиней	229

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

<i>Глава XX.</i> У меня в комнате.....	241
<i>Глава XXI.</i> Эвтакт	252
<i>Глава XXII.</i> Женщина на скрещенье дорог	263
<i>Глава XXIII.</i> В деревне	273
<i>Глава XXIV.</i> Почему ты проиграл?.....	285
<i>Глава XXV.</i> Я, Эврикл.....	296
<i>Глава XXVI.</i> Пасикрат	307
<i>Глава XXVII.</i> Павсаний	317
<i>Глава XXVIII.</i> Микале.....	331
<i>Глава XXIX.</i> Лаконика	343
<i>Глава XXX.</i> Великая Мать.....	355
<i>Глава XXXI.</i> Слова Великой Матери	365
<i>Глава XXXII.</i> В Спарте	376

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

<i>Глава XXXIII.</i> По тенистому ущелью.....	389
<i>Глава XXXIV.</i> В шатре регента.....	401
<i>Глава XXXV.</i> Корабли могут передвигаться и посуху....	417
<i>Глава XXXVI.</i> Как достичь Фермопил.....	429
<i>Глава XXXVII.</i> Леонид, царь Спарты.....	442

*С величайшим почтением и симпатией посвящаю
эту книгу Геродоту из Галикарнаса.*

Сперва защитники храма Деметры щитами
и собственной грудью заслонили святыню;
но редели их ряды, и вскоре началась
ожесточенная и долгая рукопашная схватка...

Геродот

Эта книга — чистейший вымысел,
основанный, однако, на реальных событиях
479 г. до н. э.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Года два назад в подвалах Британского музея под ящиками с коллекцией римских монет обнаружили урну со свитками пергамента, который, видимо, так никогда и не был использован. Музей решил оставить урну себе, а свитки — продать с аукциона, и в каталоге фирмы «Сотби» они числились как «Лот 183. Чистые папирусные свитки; возможно, из запасов египетского книготорговца».

Пройдя через многие руки, они попали наконец к некоему мистеру Д. А., торговцу и коллекционеру из Детройта, который заподозрил, что внутри деревяшки, скрепляющей листы, может быть что-то спрятано. Он сделал рентгеновские снимки свитков, и оказалось, что деревяшки отнюдь не полые, однако первый лист одного из манускриптов (так называемый *protokollon*) весь исписан чрезвычайно мелким почерком. Чувствуя, что находится на пороге настоящего библиографического открытия, коллекционер обследовал свиток

с помощью сильных линз и обнаружил, что не только первый, но и все остальные листы с обеих сторон покрыты мельчайшими бледно-серыми буковками, которые сотрудники Британского музея и фирмы «Сотби» явно сочли просто грязными пятнами. Спектрографический анализ показал, что на папирусе писали острым «карандашом» из свинца. Зная, что я интересуюсь мертвыми языками, владелец свитков попросил меня попытаться перевести этот текст. Результат моего труда и представлен ниже.

За исключением небольшого отрывка на вполне сносном греческом, первый свиток составляют записи, сделанные на весьма архаичном латинском языке, причем без знаков препинания. Автор текста, который сам себя называет Латро (слово «латро», или «латрон», может иметь значения «разбойник», «повстанец», «наемник», «стражник» или просто «рядовой воин, солдат»), имел прямо-таки катастрофическую склонность к сокращениям — я не шучу, ибо он явно способен был писать целиком лишь самые короткие слова, да и то не всегда, а стало быть, некоторые из его сокращений вполне могли быть поняты мною неверно. Читателю следует также помнить, что все знаки препинания я расставлял сам. Еще я ввел в текст некоторые поясняющие детали — автор лишь кое-где намекает на них — и постарался полностью воспроизвести все диалоги, ибо они записаны весьма кратко.

Для удобства чтения я разбил текст на главы — по возможности в тех местах, где этот «латрон» сам прерывает свое повествование. Главы я называл соответствен-

но содержанию каждой, а иногда — по первому предложению.

Что касается имен и географических названий, то я старался следовать за автором текста, который порой записывал их на слух, но чаще переводил на понятный ему язык, если понимал смысл данного слова (или ему казалось, что понимал). Так, «Башенный холм» — это, скорее всего, Коринф (так мы и будем называть его), а «Долгий берег» — безусловно, Аттика. В некоторых случаях Латро явно ошибался. Он, видимо, слышал, как речь некоторых не слишком разговорчивых, скупых на слова людей называют лаконичной (от греч. *laconismos* — краткое и четкое изложение мысли), и решил, что Лакония¹ — это «Страна молчаливых». Что же до его ошибочного перевода названия главного города Лаконии греческим словом «веревка, канат» (звучание которого весьма похоже на «Спарту»)², то эту ошибку совершали многие люди его времени, умевшие лишь говорить на греческом.

Похоже, Латро в какой-то степени знаком был и с некоторыми семитскими языками, а на греческом говорил совершенно свободно, однако же либо совсем не умел читать по-гречески, либо читал очень плохо.

¹ Лакония (Лаконика) — территория древней Спарты, находившейся в юго-восточной части Пелопоннеса, в долине реки Эврот. Названия Лакония, Лаконика, Лакедемон, Спарта можно в данном случае считать синонимами.

² Город *Спарта* входил в состав нома (административно-территориальной единицы) Лакедемон.

* * *

Несколько слов о той культурной среде, в которой очутился Латро, когда начал вести дневник. Обитатели этих мест называли себя отнюдь не греками, как, впрочем, и жители современной Греции. Они не придавали особого значения одежде, хотя в большей части их полисов женщине не подобало появляться в общественных местах совершенно обнаженной, тогда как мужчины делали это весьма часто. Завтракать было не принято; и если накануне человек не слишком злоупотребил выпивкой, то вставал он на рассвете, однако первая трапеза состоялась лишь в полдень, а вторая — вечером. В мирное время даже детям в воду добавляли вино; во время войны же воины бывали страшно недовольны, если им приходилось пить просто воду.

В Афинах («мысль» — греческое значение этого слова) преступность цвела махровым цветом, хуже, чем в Нью-Йорке, так что афинский закон, предписывавший женщинам не выходить из дому без сопровождающих, имел целью предотвратить нападения на них. (Следует отметить, что другая женщина или даже ребенок уже считались достаточно надежной охраной.) Комнаты на первом этаже не имели окон, а грабителей называли стенобитчиками. Несмотря на существующие ныне мифы о нравах античного общества, гомосексуальные проявления встречались редко и в целом осуждались. За охраной порядка в Афинах следили наемники-варвары, услугами которых пользовались потому, что они были менее коррумпированы, чем греки. Кроме того, варвары

мастерски владели луком, что было особенно ценным при задержании опасных преступников.

Хотя греческие полисы значительно сильнее отличались друг от друга в плане законов и обычаев, чем это желает представить большая часть ученых, между ними шла оживленнейшая торговля, что и привело к некоей стандартизации денежных единиц и единиц массы. Обола¹, который порой вульгарно называют «плевком», вполне хватало для уплаты за легкий обед.

Гребцы на военных кораблях получали два-три обола в день, но, разумеется, питались вместе с командой. Шесть оболов составляли драхму («горсть»), и умелый воин-наемник, имевший собственное оружие и доспехи, получал одну драхму за день службы; столько же получали за свои труды жрицы любви в доме гетеры Каллеос. Золотой статер был равен двум серебряным драхмам.

Наиболее часто употреблявшаяся разменная монета в десять драхм называлась «сова», ибо эта птица была изображена на ее оборотной стороне. Сто драхм составляли мину; шестьдесят мин — талант, в котором было около пятидесяти семи фунтов золота или восемьсот фунтов серебра (шесть тысяч серебряных драхм).

Золотой талант также служил единицей массы: пятьдесят семь фунтов.

¹ *Обол* (греч. копье, вертел; в древности на Пелопоннесе в качестве денег использовались железные прутья) — самая мелкая серебряная монета весом 0,73 г. Обол клали в рот умершим для уплаты перевозчику Харону при переправе в царство Аида (отсюда «плевком»). В переносном смысле — маленький денежный взнос.

Самой распространенной мерой длины был стадий, от которого образовано слово «стадион». В стадии было около двух сотен ярдов (187 метров), или чуть больше одной десятой мили.

Проповедники гуманности в итоге приняли античный институт рабства, поняв, что альтернативой ему была бы массовая резня; мы, свидетели истребления евреев в Европе (холокоста), должны быть более снисходительны в своих оценках. Ряды рабов пополнялись в основном за счет военнопленных.

Первоклассный раб мог стоить не менее десяти мин, то есть примерно тридцать шесть тысяч теперешних долларов. Хотя обычно цена раба была значительно ниже.

Если среднего, довольно начитанного американца попросить назвать имена пяти знаменитых греков, то он, скорее всего, скажет: «Гомер, Сократ, Платон, Аристотель, Перикл». Так что тем, кто критически отнесется к запискам Латро, хорошо бы вспомнить: когда он писал их, Гомера уже четыреста лет не было на свете, а вот о Сократе, Платоне, Аристотеле или Перикле никто еще и слыхом не слыхивал, да и слово «философ»¹ было тогда не в ходу.

В Древней Греции скептиками называли тех, кто размышляет (от греч. *skeptikos* — разглядывающий, размышляющий), а не насмешничает.

¹ Термин «философия» (*греч.* любовь к мудрости) восходит к Гераклиту или Геродоту, но впервые этим понятием в смысле, близком к современному, стали пользоваться лишь Платон и Аристотель, т. е. не ранее конца V в. до н. э.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современные скептики, видимо, скажут, что Латро описывает Грецию такой, какой она предстает в собственно греческих летописях и мифах. Это так и есть, и для него это было реальностью; например, когда гонец, посланный из Афин в Спарту просить о помощи перед битвой при Марафоне (490 г. до н. э.), встретил по дороге бога Пана, то по возвращении честно поведал о разговоре с ним афинскому Собранию. (Следует отметить, что спартанцы, прекрасно понимая, кто из богов правит их страной, отказались выступить, пока не настанет полнолуние.)

Джин Вулф

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Читай это каждый день

Пишу я о событиях самых недавних. На заре в мою палатку заглянул лекарь и спросил, помню ли я его. Когда я сказал, что не помню, он объяснил мне, кто он такой, и дал этот свиток и стиль¹ из мягкого металла, который пишет на папирусе не хуже, чем на воске.

Имя мое Латро. Забывать его нельзя! Лекарь сказал, что я очень быстро все забываю из-за того, что был ранен в бою. Он даже назвал это сражение каким-то именем, будто оно человек, но я уже не помню каким. Он сказал, чтобы я приучился записывать все как можно подробнее, чтобы потом проверить себя, если что-то позабуду.

Сперва он попросил меня что-нибудь написать ему на земле и явно остался мною очень доволен. Он сказал, что большинство воинов писать не умеют, и похвалил мой почерк, хотя заметил, что некоторые буквы я пишу совсем не так, как он. Затем я подержал светильник, а

он показал мне, как надо писать правильно. Мне его почерк, по правде сказать, показался весьма странным. Он родом из Речной страны Египет.

Лекарь спросил, как меня зовут, но я не смог выговорить свое имя. Потом он спросил, помню ли я, о чем мы с ним вчера говорили, но я и этого не помнил. Оказалось, мы уже несколько раз беседовали, но каждый раз, когда он приходил ко мне снова, я все забывал. По его словам, Латро назвал меня кто-то из воинов. Своего настоящего имени я не помнил, однако сумел вспомнить наш дом и ручеек, что, смеясь, струился над покрытым разноцветными камешками дном, и рассказал лекарю об этом. Потом описал ему мать и отца — я и сейчас мысленно вижу их перед собой,— но имен их назвать так и не сумел. Лекарь сказал, что это, видимо, мои самые первые воспоминания — им, может, лет двадцать или больше. Потом он спросил, кто научил меня писать, но этого я, конечно, сказать не мог. Вот тогда он и дал мне свиток и стиль.

Я удобно устроился у раскладного походного стола и, поскольку уже записал все, что помню о беседах с лекарем, опишу теперь то, что меня окружает, чтобы при случае можно было вспомнить, где я находился.

Небо надо мной широкое, синее, но солнце еще не поднялось над палатками. Палаток огромное множество. Одни — из шкур, другие — из ткани. По большей части самые простые, однако поодаль виднеется настоящий шатер, украшенный разноцветными кисточками из шерсти. Вскоре после ухода лекаря мимо меня на негибающихся ногах лениво прошагали четыре вер-